

ТРИ ГРИФОНА ПОД ОКНОМ: НОВИНКИ ФАНТАСТИКИ, ФЭНТЕЗИ И МАГИЧЕСКОГО РЕАЛИЗМА

ДЕНИС ЛУШНЯНОВ
Родился в Москве, окончил
Институт журналистики,
коммуникаций и медиаобра-
зования МПГУ.
Писатель, журналист,
книжный обозреватель,

контент-редактор издатель-
ской группы «Альпина». Пишет
для журналов «Юность»,
«Прочтение», «Литрес
Журнал». Ех-обозрева-
тель эфира радио «Нига»,
работал в ГН «ЛитРес».

ЕКАТЕРИНА ЛАНДЕР, «ПОТУСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН» («ПОЛЫНЬ»)

Семья Марго совсем недавно переехала в Петербург из Самары, а проблемы уже начались: при таинственных обстоятельствах пропадает младшая сестра героини. Оказывается, что она — не единственный исчезнувший ребенок. Полиция ничего сделать не может. Марго приходится брать дело в свои руки. А юноша Василий тем временем узнает, что корни его семьи тянутся от древнего рода Хранителей города — тех, кто должен следить за «изнанной» Питера, куда история вытесняет всё отжившее свой век. Потому там ныне и обитают таинственные Духи и иные существа. И вот Вася с Марго, преследуя общие цели, постепенно открывают для себя таинственную обратную сторону Питера с его грифонами, ключами от всех дверей, жуткой магической плесенью и легендами, которые оказываются не просто байками для туристов. Впрочем, последних тоже хватает. При чем тут куклы, маненены, переселение душ и похищение детей? И как остановить беду, приходящую раз в сто лет, — потоп, уже случавшийся в 1824, в 1924 и грядущий в 2024-м? Ответы знают весьма странные личности (и неличности). Но выдают их, по выражению героев, «хлебными крошками».

«Потусторонним вход воспрещен», с одной стороны, очень крепко углублены в классическую традицию городского фэнтези — это такой русский Нил Гейман для читателей помладше с легким флером булгановщины: тут вам и таинственные артефакты, которые надо найти, чтобы избежать, уж простите, тотального триндеца, и изменчивые станции метро, и взрослые, которые не верят в фантастичность происходящего, и тайные хранители города, и друзья, которые оказываются не то предателями, не то черт знает чем. Но, с другой стороны, роман Екатерины Ландер так врос в контекст Петербурга исторического и легендарного, что его, в отличие от других книг жанра, невозможно оттуда вычленишь. Перед читателем, по сути, написанное

с любовью исследование всех швов и несостыковок городской истории, которые открывают Екатерине Ландер огромные возможности для фантастических допущений — все они здесь так или иначе обоснованы и, опять же, вписаны в контекст, питаются брусчаткой улиц и водой Невы. Тан, например, семейная легенда химика Александра Пеля становится сюжетообразующей; это одна из глобальных интриг, тянущих за собой сюжет. Не менее важны и все слухи да недомолвки о народах, живших «на болотах» еще до Петра, в частности об их верованиях, духах и божествах. Что для историка повод скривить лицо, то для Екатерины Ландер — сверхающий сюжетный винтик. С учетом того, что роман глобально посвящен проблеме исторической памяти (на личном и общественном уровне), — неудивительно.

Но прежде всего «Потусторонним вход воспрещен» — это увлекательное приключение в сеттинге современного Петербурга. Атмосферы живого города — города-персонажа, если угодно, — тут так много, что уже где-то на середине романа хочется купить билеты на поезд и уехать в Питер, просто чтобы самому прочувствовать то же, что и герои. Екатерина Ландер работает по чеховскому принципу «выстреливающих ружей», а потому каждая деталь, на которой делается акцент, не случайна, она обязательно сыграет свою роль, будь то страшная кунла или седой старик на скамеечке. Прежде всего выстраивая современный миф о Санкт-Петербурге, автор не забывает и об арках персонажей: у каждого тут свои, вполне человеческие и понятные мотивации. Неважно, кто эти герои: студенты, Потусторонние или директора институтов. А еще тут харизматичный, иногда по-вампириски таинственный, а иногда по-норовьевски безумный антагонист (или не антагонист вовсе?) Вольдемар. Ну это так, к слову. Любите и ненавидьте его скорее!

«— Зеркало из бального зала особняка Брусницких. Его обнаружили год назад запрятанным внутри стеной панели в самом сердце дома. Благо-разумно не стали трогать и сразу подняли архивы особняка. — Ярослав помедлил. — У него оказалась богатая история. В середине девятнадцатого века простой деревенский парень — Николай Мокеевич Брусницын — из Тверской губернии переезжает в Петербург, где прямоком на Васильевском острове начинает свое дело. Немного погодя небольшая мастерская по дублению кожи превращается в крупнейшую в Российской империи кожаную мануфактуру. Рядом с огромным заводом строят особняк, где живет хозяин — ныне купец Брусницын с семьей, а позже — его выросшие сыновья. Дом с небывало роскошными и диковинными интерьерами. Однажды хозяин, падкий на редкие вещи, заказывает из Европы старинное зеркало, некогда висевшее в итальянском палаццо, известном своей мрачной славой, что якобы в этом самом палаццо хранился прах знаменитого графа Дракулы. Зеркало вешают на стене в танцевальном зале. Домочадцы быстро замечают неладное. В доме купца начинают твориться необъяснимые вещи. Кто бы ни посмотрелся в зеркало, тех преследует полоса неудач и болезней. После попытки избавиться от несчастливого приобретения таинственным образом скоропостижно умирает внучка хозяина. Побоявшись навлечь еще большую беду, зеркало замуровывают в глубине дома на долгие годы. Позже дом приходит в запустение. Что символы зеркала и ключа в равной степени связаны с потусторонним миром, думаю, объяснять не надо?»

Я живнул и поморщился — напонила о себе набитая в подвале шишка.

Город... Я вырос здесь, я наивно считал, что Петербург мне знаком. А он, как двуликий Янус в рассказе Ярослава, повернулся к нам злым лицом. Мне даже померещилось, будто я чувствую между лопаток чей-то тяжелый взгляд».

ДИБА ЗАРГАРПУР, «ОТРАЖЕНИЯ НАШЕГО ДОМА» (MARSHMALLOW BOOKS)

Роман Дибы Заргарпур сам по себе похож на зеркало: он лишь прикидывается простым и линейным, полным классического для истории-взросления набора тем и проблем: от поиска себя до первых отношений и постепенно разрушающейся семьи. Однако стоит всмотреться, и вот уже из-под глади текста проглядывает что-то потустороннее; книга эта, подобно зеркалу, выводит на перепутье, но не миров, а трех магистральных тем, особенно актуальных для конца XX и начала XXI века: эмиграции (семья главной героини бежала в Америку из Афганистана), потери идентичности (смешение кровей, культур) и памяти — как личной, так и исторической. Пятнадцатилетняя Сара пытается раскрыть тайну пропавшей дочери своей бабушки — той диагностировали деменцию, — дух которой является ей в старом доме с разбитыми зеркалами. В молниях героине чудятся видения, а во снах она то ходит по битому стеклу, то оказывается не собой. Но стоит ли искать ответы на вопросы прошлого, ворошить семейные тайны — например, узнавать, какой была любимая бабушка в молодости и что она, как и все остальные, до конца жизни скрывали от деда, — когда настоящее трещит, как одно из покрытых пылью зеркал? Когда ты сам — одно такое зеркало? И что пытается подсказать проклятый старый дом, за реставрацию которого взялись родители?

Мистических элементов в «Отражениях нашего дома» предостаточно. Чем ближе к финалу, тем менее они похожи на видения и более ощутимы. Впрочем, уже название намекает, что все жанровые вкрапления в тексте — не более чем отражения, благодаря которым Саре предстоит разобраться в долгой и запутанной истории своей семьи (и в себе самой). Если прочитать краткую биографию Дибы Заргарпур, можно вполне спра-

ведливо предположить, что роман отчасти автофикционален — а потому он воздействует на предельно личные болевые точки читателя: опять же, не только за счет привычных для подростковой (шире — молодежной) прозы приемов, но и за счет острых социальных ситуаций, которые так или иначе, на собственном или чужом опыте, знакомы каждому: неизлечимых диагнозов родственников, разводов родителей, сомнений в «чистоте» своей крови. Блуждая через зеркала семейной истории, Сара разбирает многие из них, узнает «неудобную» правду, которая, впрочем, весьма обыденна во взрослой жизни: этими-то осколками и ранит читателя. Но автор разбрасывается ими не как попало, а с чувством и толком — в тексте задана определенная ритмика, которая усиливается внутренними монологами Сары и, как ни парадоксально, не ослабляется обилием диалогов. И, постепенно считывая все поверхностные слои сюжета, читатель вдруг понимает, что отражение двойится, тройится, а потом и вовсе плывет, меняется, становится чем-то другим, — и на деле получает весьма серьезный, глубокий и при этом увлекательный текст, который совсем по-одному будет понят подростковой аудиторией и совсем по-другому — взрослой. На то и нужны отражения. Тем более их лабиринты.

«Ки асти?»

Моя бабушка повторяет этот вопрос по десять раз на дню.

“Кто ты?” — спрашивает, когда я умываюсь по утрам. “Кто ты?” — когда наливаю ей чай на завтрак. “Кто ты?” — когда я смотрю, как она перед зеркалом старательно подводит брови. Ее глаза не отпускают меня ни на миг. Следят, как я мучительно пытаюсь найти ответ.

Кто я?

Я — Сара Рахмат. И да и нет.

Я американка. И да и нет.

Я афганская узбечка. И да и нет.

Я плод величайшей истории любви. И да и нет.

Я есть, и меня нет.

Мой баба-джан часто повторял: “История — это то, что создает нас”, — и без нее мы обречены снова и снова сбиваться с пути. Но, когда сквозь окно в мои мысли врывается лунный луч, я осознаю, что как раз эта самая история и отбросила нас далеко-далеко с проложенного курса.

Хотя, к счастью, ненадолго.

Я верну нас на предначертанный путь. Сотру слова папара “наши общие интересы”. Раскрою тайну, которую скрывает моя бабушка, и, может быть, этого хватит, чтобы развеять мрачное чувство потери, засевшее в этих стенах. И тогда в дом вернется жизнь».

НАДЯ СОВА, «СНВОЗЬ ТУМАН МЕНЯ НЕ ВИДНО» («НИСЛОРОД»)

Подруги Агата и Дарина наконец отправляются в отпуск! Каждый раз их поездка срывалась — то в Нарелию не добрались, то еще куда, — а до маленького южного городка все же получилось доехать. Да только в самой хорошей гостинице не оказалось номеров, и пришлось заселяться в странную, маленькую: хозяин там угрюмый, и зовут его почему-то Медведем. И вот подруги решают все же поднять себе настроение: приходят в бар, где симпатичный бармен — у него тоже какое-то странное прозвище, Тулуп, — угощает Дарину коктейлем со смородиной, а наутро та... пропадает. Агата не знает, что делать: полиция? Соцсети?

Местные? Мечется она до тех пор, пока не знакомится с юношей по прозвищу Мангуст и местной ведьмой (или не ведьмой?), которые подсказывают, что городок тесно связан с Ладным миром, где живут нечисть и фольклорные существа (в терминологии Нади Сова «всякие-разные»), а городская «секта» уже долгое время ищет путь туда, ожидая получить богатства и знания, обманывая, предавая и играя с крупным бизнесом. И Дарина — их ключ в Ладный мир сквозь туман, который, по легенде, забирает души. Или это сам туман хочет, чтобы люди так думали?

«Сквозь туман меня не видно» — очень условная смесь «Рифа» Алексея Поляринова и «Брата болотного края» Ольги Птицевой в реалиях книжной вселенной Нади Сова. Проставляем все чек-поинты: странная «секта», в которой собрались отчасти поломанные жизнью герои (а их предводитель алчет власти), присутствует; живой таинственный лес и его «духи», которые диктуют людям свои правила, — тоже. Впрочем, повторимся: сравнение, как и всегда в таких случаях, более чем условное, оно лишь говорит о переплетениях тем и общей атмосферы (как, например, «Станция Лихо», дебютный роман Нади Сова, напоминал «Покров-17» Александра Пелевина). В новинке внутри своего большого цикла — каждый роман автономен — автор подступает к собственной вселенной совершенно с иной стороны: куда меньше времени и внимания на этот раз уделено самому Ладному миру, его присутствие в тексте минимально, он лишь слегка, на уровне снов, видений, оберегов, татуировок и странных теней, просачивается в реальность. Неспроста книгу позиционируют именно как магический реализм. Стоит сделать одну маленькую оговорку. «Сквозь туман меня не видно» — представитель, скажем так, новой волны этого жанра, где все волшебное и потустороннее не столь эфемерно, как в классическом понимании магического реализма. Чудеса перестают быть метафорами, становятся фантами, приближаются к фэнтези.

Впрочем, это не единственное нововведение Нади Сова в романе: на этот раз текст концентрируется не вокруг сюжета под стать триллеру или хоррору (хотя очень условная детективная линия, тут, конечно, есть) и даже не вокруг психологического портрета главной героини, как это было в других книгах. В центре — социальные взаимодействия между героями в прошлом и настоящем: важна и линия Мангуста, и линия юной ведьмы и, в особенности, линия того самого Медведя; они здесь намеренно прописаны более фактурно, чем истории двух подруг. Надя Сова изучает отношения между персонажами, которые то сближаются, то отдаляются: все из-за личных, очень человеческих мотивов, но также из-за прихоти Ладного мира, который, как уже было сказано, неизбежно просачивается в реальность. Тановы и все антагонисты текста: правда, в отличие, допустим, от уже упомянутого «Рифа», «секта» в романе Нади Сова получается какой-то чересчур приличной и правильной, напоминает скорее бандитскую бизнес-группировку из 90-х (хотя с застройками герои и правда долго мутят воду, но речь не об этом). Им не хватает своего рода безумия: люди, которые много лет одержимы поисками «фантомного» волшебного мира и готовы ради этого на все, просто не могут вести себя спокойно, адекватно, они скорее окажутся «зомбированы» собственной же манией. Более комплексный подход к «секте» сделал бы текст еще более насыщенным и глубоким. При всех незначительных но «Сквозь туман меня не видно» становится новой страницей в творческой карьере Нади Сова, где сюжетность и жанровость усту-

пают место психологии и социальной проблематине, позволяя посмотреть на огромную мозаику Ладного мира со свежего ракурса.

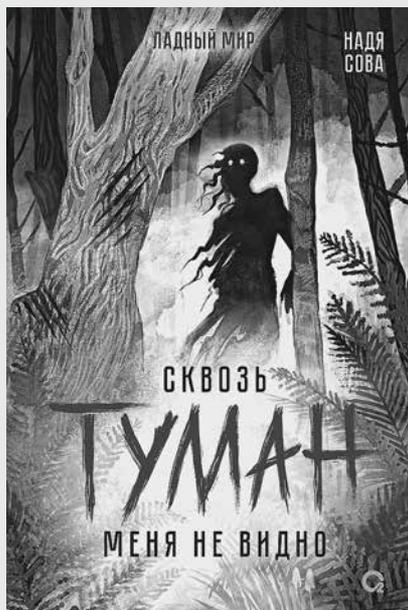
«Человека ломало, выкручивало кости. Человека тошнило, внутри больше не могло все работать так, как раньше. Человек выл, стонал, хотел сбежать от этого чувства. От ощущения, что извращается человеческая суть, что он теряет себя. Больше никогда он не сможет стать тем, кем был раньше. Человек заплакал, прося прекратить пытку. Но это было уже невозможно, обратно процесс не повернуть. Тело собралось, сжалось, ноги с хрустом втянулись в бедра, руки искривились в неправильных местах. Голова гудела. Глаза не хотели открываться, чтобы не видеть, что происходит с телом. Чтобы не видеть, как смотрит на свою работу самое опасное существо в этом лесу.

Человек взмахнул крыльями, расправил плечи, почувствовал, наконец, свободу. Боль ушла, как ушли и проблемы, которые мешали спокойно жить. Кем этот человек был раньше, уже неважно, теперь он – птица. Теперь у него – крылья и лапы. Огромные когти, густые перья и длинные-длинные волосы, которые скрывали то, что не могли скрыть перья. Человек мечтал иметь такие волосы раньше, но они никак не хотели расти. Теперь выросли. Теперь каждый, кто их увидит, захочет взять деревянный гребень и расчесать. Расчесать волосы, подарить красивые бусы, ожерелья, все, чтобы птица стала еще краше. Человек покрутил головой, разминая шею. Так легко, так свободно. И почему-то так правильно. Чужое присутствие больше не пугало, – стоит и стоит, вреда не причинит. Лишь подавит волю и даст задание».

МАРИНА СЫЧЕВА, «СОЛНЦЕ В СИЛНАХ» («МИФ»)

Однажды девушка Тураах и юноша Табата ступают на таинственную тропу духов, и дальнейшая их судьба решается — а может, ломается, — с этого самого момента. Оба они оказываются под покровительством духов, да только разных: Табата должен стать новым главным шаманом, ему положен наставник и всеобщее признание; Тураах же попадает во власть духа-Ворона (одного из ключевых мифологических персонажей северных народов) и становится удаганной, женщиной-шаманом. Но ее судьба печальна. Не играют с ней больше бывшие подруги, да и жениха, говорят, ей теперь не найти — Тураах становится изгоем. Хуже того, Табата почти ничего не делает, только стоит рядом у учителем-шаманом, но все чтят его. Тураах же самостоятельно, чуть ли не ценой жизни останавливает злую старуху-духа, и ей — нинаной благодарности, только носые взгляды. Ведет ли это к расколу между бывшими друзьями? Конечно. Но это только на руну древнему злу — некогда человеку, предавшему свое племя, — которое старый шаман, учитель Табата, добровольно впустил в свое сердце. Думал, что сдюзит, отсрочит беду: не вышло. Или он хочет, чтобы злой дух так думал? Ведь у последнего свои планы на волшебные силы что юноши, что девушки...

Этническое фэнтези Марины Сычевой с самого начала задает высокую планку и становится прекрасным примером для подражания. Весь колорит северных народов с их духами, «бесами», ритуалами и мироустройством так органично вплетен в текст — и так в этот этнический контекст погружены герои, — что «Солнце в силнах» начинает напоминать одну из тех легенд, которые северные народы действительно могли бы рассказывать друг другу у костра. Настолько здесь все органично,

настолько — и это важно — происходящее вписано в «мифологическое сознание»: для героев весь фантастический мир духов — важная и неотъемлемая часть реальности; пугает лишь столкновение со злом и неизведанными чудовищами, а не само их существование. Но, конечно, роман Марины Сычевой куда сложнее, чем любая народная легенда. Во-первых, это очень красиво переупакованный — в лучшем смысле — young adult о подростках, которые вдруг стали врагами из-за обстоятельств и личных амбиций, из-за своей «незрелости». Сколько таких историй есть на свете? Множество. Сколько из них обернуто в столь привлекательную — и прописанную с умом и любовью, автор даже не забыла о важной роли кузнецов в северной картине мира, — мифологическую фантуру? По пальцам пересчитать. Во-вторых, перед читателем абсолютно точно история о духовном росте, где все фантастическое — от жутких и, к слову, прекрасно написанных снов Тураах до самого факта наличия некоего «великого и коварного зла», — лишь заставляет героев совершать все больше личных подвигов. Так арки персонажей, давайте снажем литературно, становятся куда фантурнее и очевиднее. Резюмируя: перед читателем психологический роман, который одновременно прикидывается и young adult, и этнической фэнтези. Кстати, сконцентрировано повествование именно вокруг Тураах — это помогает Марине Сычевой подсветить еще один спектр тем: роль женщины в архаическом обществе. Кажется, не требуется добавлять, что в современном — тоже. Отлично написанное, одновременно и глубокое, и увлекательное, «Солнце в силках» особенно нужно тем, кто снукает по эстетике старого мультфильма «Братец Медвежонок», но хочет еще больше глубины, мифологии, драмы и качественного текста.

«Красные пятна расплзаются по щекам, выедают кожу на тонкой шее. Ногти впиваются в плоть, скребут, скребут по огненным отметинам. Зуд только усиливается. Под кожей поселились блохи, клопы, мелкие прожор-

*ливые твари. Руки сами тянутся к ножу: взрезать, стянуть ее, обнажая
мышцы и жилы. Передавить всех букашек. С хрустом.*

Красные язвы, красная кровь, красное, красное всюду.

*Тураах подскакивает с орона. Наяву то же. Алые пятна пляшут
на руках, на плечах. Пляшут... Да это же сполохи от жарко натопленного
очага!*

*Тураах выдыхает, откидывается на постель, обводит взглядом узор-
чатые балки. И снова цепляется за красное: знакомый с детства узор,
забава долгих зимних вечеров, отбрасывает Тураах в ночной кошмар
и дальше, к входу в логово Кутаар.*

*От красного тошнит. Не видеть бы, исключить из мира все его оттенки.
Тураах переворачивается на живот и утыкается лицом в теплую доху
из чернобурки. Засыпать страшно, но усталость берет свое: понемногу она
снова проваливается в переливающуюся алым тьму.*

*За дверью раздался скрип снега под тяжелыми торбасами. Нарыяна –
эту поступь она ни с чьей не спутает – соскользнула с орона, на цыпочках
подошла к двери. Пропело разохшееся от наполнявшего трту жара дерево,
и через порог шагнула закутанная в шкуры фигура».*

АННА СТАРОБИНЕЦ, «СЕРЕБРЯНЫЙ АШОЛОТЛЬ» («СТРОНИ»)

Рассказы в сборнике Анны Старобинец существуют на стыке сразу двух жанров — магического реализма в классическом его понимании и мистики, — и именно это сочетание делает их столь необычными и запоминающимися. Каждый текст здесь — своего рода выстрел в болевые точки общества; социальная проблематика заострена за счет фантастических допущений, которые к финалу рассказа такими вовсе и не кажутся. Автор водит читателя за нос, смешивает фанты с восприятием героя, а потому совсем не ясно, исполнил ли желания мальчика волшебный серебряный ашолотль или так просто совпало. Кому верить — рассказчику или онружающим? Настолько ли объективная реальность достоверна? И объективна ли?

Впрочем, сам по себе такой прием не нов, однако Анна Старобинец выбирает темы и конфликты, от которых у большинства читателей скорее всего засвербит в районе сердца: несправедливые обвинения, буллинг, неизлечимые диагнозы, нежелание выслушать чужое и рациональное мнение. В мире взрослых все эти темы несколько приглушенны, они стали органичной частью реальности. В мире подростков — глазами взрослого читателя, естественно, — они воспринимаются как нечто из ряда вон выходящее, а потому издевательства над большим ДЦП ребенком, который придумал (или не придумал?), что прилетел с другой планеты, кажутся особенно мерзкими и бесчеловечными. Завораживающие, но при этом лаконично и метко написанные, рассказы этого сборника кончаются даже как-то слишком быстро. Лучше их смаковать — ведь здесь важно каждое слово.

«Они поселились в нашем подъезде, в квартире напротив. Спустя пару дней наши матери познакомились. Скорее всего, они вместе курили на лестнице. Моя тогда еще верила, что я не знаю, что она курит. Каждый раз, отправляясь на лестницу, она придумывала какие-нибудь “дела”. Она закончила курсы психологов и почему-то считала, что, если я узнаю, что она курит, у меня будет травма. Но, сколько я себя помню, я всегда это

знал, и мне было все равно. Если что-то меня и бесило, так это ее вранье. Не только про сигареты. Про отца тоже. Наверное, ее научили на курсах психологов. Она говорила – да и сейчас иногда говорит, – что он меня любит, просто живет не с нами. Вранье. Он плевать на меня хотел.

А вот тетя Лена, мама Юрца, никогда ему не врала. Когда она шла курить, всегда так и говорила: “Пойду курну” – я сам слышал, когда стал бывать у них дома. Что же касается юрцовского отца – его просто не было. Вообще не существовало. Так мне сказал Юрец. “Там, где я раньше жил, самцы не участвуют в размножении. Но это тайна. Не рассказывай никому”».

АННА ЛУНЁВА, НАТАЛИЯ КОЛМАНОВА, «ЧЕРНАЯ ИЗБА» («МИФ»)

Первое время история о девушке Натэ, которая мечтает учиться в консерватории, а поступает на ветеринара, напоминает классический роман-взросление с полным набором соответствующих проблем и вопросов: первая любовь, поиск себя, отношения с подругами, ревность, зависть и далее по списку. Однако очень скоро оказывается, что это всего лишь писательская уловка, и яма подтекстов и смыслов оказывается куда глубже, чем казалось до этого. Авторы очень аккуратно вводят в текст мистическую составляющую, которая не вытесняет реализм, а лишь дополняет его ощутимыми черными штрихами: Леночку, одну из одноклассниц Натэ, вдруг увозят в родную деревню для каного-то странного обряда. Возвращается она, будем откровенны, никак не лучше. А Натэ решает сунуть нос не в свое дело, за что ей и приходится расплачиваться до конца романа. Действительно ли во всем виноваты духи леса — или это просто суеверия? Не ясно до самого конца.

«Черная изба» оказывается очень глубокой историей, вскрывающей многие социальные язвы регионов (и не только), которая при этом играет с канонами волшебной сказки о «границах миров»: Натэ и становится своего рода проводницей между «реальным» и «потусторонним», между «жизнью» и «смертью». Один из лучших способов как-то поразмыслить о проблемах общества — «переупаковать» их в миф, мрачную легенду, что авторы и делают. Потому основой романа становятся расхожие легенды о жертве, ритуальной смерти и воскресении, которые из «волшебного» мифа превращаются в миф «социальный». И очень, очень страшный. Однако такая игра с канонами в «Черной избе» не становится самоцелью авторов. На первом плане остаются грамотно выписанные и проработанные герои. Они здесь — реальные люди, а не очередные маски из молодежного сериала, созданного по сценарным правилам Голливуда.

«Вокруг снова был снег, но теперь она не мерзла. Что-то двигалось и толкалось в ее большом тяжелом теле. От этих толчков вокруг волнами расходилось тепло, согревая землю, и она чувствовала, как тоненькие ручейки щекочут под снежной шубой ее шершавые бока. Вода просачивалась в мелкие трещинки, и тепло гнало ее вверх, туда, где в укромной пазухе прячется мягкое, теплое, уязвимое, где рождаются эти странные толчки. Вода встречает там тоненькие жадные белесые корни, они всасывают ее всю, без остатка, и тянутся вниз, чтобы взять еще, ползут через те же трещинки, оплетают их и расширяют, пока не достанут до черной и влажной земли. И тогда уже все ее тело начинает пульсировать темной упругой болью, набухает и проклевывается остренькими побегами. И сами побеги набухают и лопаются с мягким чпоканьем, выпуская наружу зеленое

и синее, а ей становится все теплее, и она лежит, раскинувшись всей просыпающейся тяжестью, и чувствует, как от земли к небу и от неба к земле сквозь нее течет и карабкается сильная упрямая жизнь, расцветая в воздухе цветом и песней, и песня звенит все громче, а тело вибрирует в унисон...»

ЕКАТЕРИНА ЗВОНЦОВА, «ПИСЬМА К БЕЗЫМЯННОЙ» («ЭКСМО»)

Несмотря на то что перед читателем история Людвиг ван Бетховена и его братьев, речь вновь пойдет о стыке жанров. Екатерина Звонцова пишет современное переосмысление семейной саги, но добавляет туда элементы магического реализма: от жутких видений, где с Бетховеном общаются животные, до таинственной возлюбленной музыканта, которая то ли его выдумка, то ли одна из дочерей мифического Лесного Царя. Биографический роман на деле оказывается очень личной историей, где в центре — именно сам Бетховен (а не ворох окружающих его важных событий и не менее важных личностей), притом не как условная «историческая персоналия», а как обычный человек. Чуть сбавляя градус присущего историческому роману пафоса, Екатерина Звонцова ставит Бетховена на один уровень с читателем, а потому сопереживать герою и, главное, ассоциироваться с ним становится еще проще. К тому же «Письма к Безымянной» питаются от плодородной почвы сразу трех культур, которые в этом тексте перемешаны и на уровне образов, и на уровне мировосприятия героев. Это три Европы: языческая, античная и просвещенная. Их причудливые переплетения создают самые необычные метафоры и, вкупе с детальной проработкой персонажей, прекрасным знанием контекста и насыщенным стилизованным слогом, превращают

«Письма к Безымянной» в роман, который вполне себе может задать новый тренд. Нам говорится, время покажет.

«— Что за безделица. — Отец скривился, ставя передо мной “Клавір”. — Приступай.

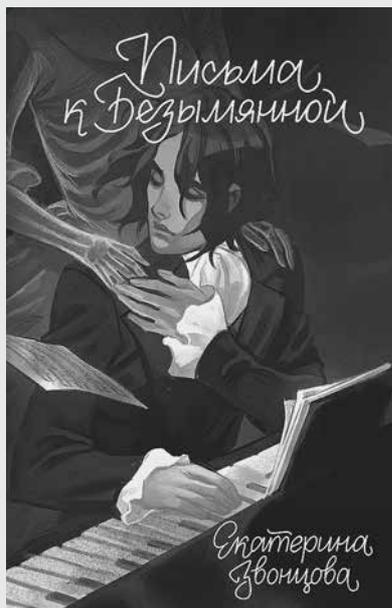
На третьем часу опять занули пальцы. Я играл гениальные, вечные вещи, но я играл их каждый день и устал; невыносимо хотелось прерваться, пройтись. Проверить, печет ли матушка пирог; по-ребячески пошкаться на одной ножке; подмести крыльцо — да я готов был даже соскрести с него голубиный помет! Перед глазами плыло. В ноты я уже не смотрел; в том давно не было необходимости: весь Бах, Гендель, часть Глюка и фрагменты Гайдна впитались в память, куда лучше латыни и французского.

Отец, стоя надо мной полубоком, хмуро смотрел в окно. Раз за разом я кидал на него умоляющие взгляды, но, не найдя снисхождения, стягивал голову в плечи. Все в отце дышало требовательной урюмостью: высокий лоб и рыхлый подбородок, редкие волосы на голове и густые — на фалангах пальцев, до хруста сжимающих указку. Судя по желвакам на скулах, он ушел в мысли о том, как я ленив, а может, даже вспомнил попытки возить меня по дворцам окрестной знати. Там я старался лучше, но не помогало: Моцартом я не был, не обладал ни его ангельской внешностью, ни умением создавать из воздуха импровизации, да вдобавок терялся от парфюмов и париков, шелков и туфель, рук, пытающихся потрепать меня по волосам, и заплывших глаз. Мне не давали сочинять для радости, а потом ругали за то, что я не в силах никого развлечь спонтанной пьеской. О, разве не так отец сжимал челюсть и хмурился по пути с каждого подобного вечера, полного формальных улыбок и “Ваш сын, несомненно, славный” (но не более чем славный)?»

ТОМ БЕЛЛ, «ДРАНОН И БУРЕВЕСТИНИК. ОСНОЛНИ ЗЕРНАЛА» (LIKE BOOK)

Психолог и именитая ученица Юнга Мария-Луиза фон Франц писала, что любая народная сказка — это своего рода фотография, которую бессознательное сделало с сознательной ситуацией. А потому какие-то атрибуты контекста (и определенной исторической эпохи) сохранены, но все герои абсолютно архетипичны (универсальны). Первая часть дилогии Тома Белла в этом смысле тоже очень сказочна: в волшебной восточной империи благородный вор, бедняк и рубаха-парень Лю совершенно случайно находит артефакт, который уже много лет ищет злобный Нефритовый маг. Тот решил воспользоваться настигшей империи засухой и послал своего вестника к императорскому двору — понятно, не с самыми благородными намерениями. Однажды Лю с приятелем вновь совершенно случайно спасают из уличной передраги наследницу правящего рода по имени Найсин. И конечно, они с Лю влюбляются друг в друга, но вместе быть не могут. Выход есть? Есть. Сбежать. Только их побег в трущобы оказывается затеей с весьма нехорошими последствиями.

Есть типы текстов, которые мы любим за своего рода «архетипичность» и узнаваемость, — «Осколки зеркала» как раз из таких. Да, само собой, у читателя мгновенно возникают ассоциации с похожими сказками, где социальное неравенство возлюбленных сопряжено с неразрешимыми задачами (а-ля «приди туда, не знаю куда» или «выноси поле без конца и края за день»), которые героям Тома Белла предстоит разрешать во втором томе, где начнется основная заварушка. Здесь же автор

справедливо тратит все силы на то, чтобы познакомить и героев друг с другом, и читателей — с героями. В отличие от многих других «первых частей трилогии», «Осколки зеркала» получаются, во-первых, достаточно цельными, во-вторых — весьма озорными, бодрыми и не затянутыми. Не успеваешь заметить, как добираешься до самого интересного — а тут уже и точно стоит. Однако эта же бодрость, отчасти даже спешка, становится и минусом романа — уж чересчур динамично развиваются любовные отношения главных героев. Так, что даже от первой невинной близости не испытываешь ожидаемого «Ах!».

Том Белл работает с архетипичными сюжетами и образами, но погружает их в собственный мир, полный магии (о ней подробно ждем во второй части), придурноватых стариков-странников и загадок: например, о таинственных Прародителях, которые создали мир и куда-то исчезли. Общая атмосфера эданого «китайского колорита» приближает «Осколки зеркала», например, к «Нефритовой войне» Фонды Ли, однако если последнюю обычно описывают как «Крестного отца» в соответствующем этническом антураже, то роману Тома Белла отлично подойдет сравнение с диснеевским «Аладдином» на ближневосточный лад. Роман старается максимально следовать законам драматургии и быть похожим на кино. Это, как уже было сказано, не дает заскучать, но в то же время увеличивает дистанцию между читателем и героями, не позволяет как следует проникнуть в их мысли и чаяния. Тут, правда, верно будет напомнить, что это всего лишь первая часть цикла. Так что все впереди. Тем более интригу Том Белл выдержал мастерски (и, снова же, очень по-киношному) — в продолжении не только герои, но и злодеи обещают раскрыть себя в полной красе.

«Он был неотесанным, грубоватым человеком совершенно из другого мира. Вокруг него витала неосязаемая притягательная сила, которую хотелось постичь, окунуться в нее и насладиться теплом, что она изучала.»

Но Кайсин впервые разговаривала с кем-то, чья жизнь так сильно отличалась от ее собственной. Она – птица в клетке, не знающая нужды и печалей. Он – тот, чей дом – весь мир, простой и в то же время сложный. Лю казался ее ровесником, однако в нем чувствовался отпечаток пережитых невзгод. Кайсин общалась с ним, как с ровней, но понимала, что, не сведи их судьба в этот вечер, она бы никогда не подумала разговаривать с таким, как Лю.

На миг она поймала себя на мысли, что думает о нем не как о человеке, а как о существе, которое обитает за рамками известного ей мира. Кайсин тысячи раз слышала подобные речи от чиновников при дворе отца и незаметно для себя начала думать как они. Таких, как Лю, называли “чернь”, вкладывая в это слово то, что презирали люди ее круга, – невежество, необразованность, трусость, недалекость и глупость. Но Лю казался совсем не таким. Он был умен, хоть и молод, и бесстрашен, что доказал своим поступком, в одиночку выступив против банды головорезов.

Кайсин не представляла, как общаться с такими людьми, как он и Жу Пень. И совершенно не понимала, как вести себя с мужчинами. Не теми, кто окружает отца или охраняет ее сон по ночам. Но с такими, кто смотрит на нее так, как смотрит сейчас Лю».

МЭЙ, «ИМПЕРИЯ ГРЕЗ» («ПОЛЫНЬ»)

Было у отца три сына... а точнее, было у императора три принца. И вот одного, Алмаза, отравили аристократы; на другого, Берилла, яд подействовал иначе, теперь он видит жуткие, слишком реалистичные кошмары и мучается от мигреней. И снится ему, что третий принц, Агат, тонко чувствующий магию — в этом мире ее называют *грезами*, — погибает, а он, Берилл, ничего не может сделать. И тут император приказывает отыскать древний затерянный город Ша'харар, где хранятся тайны погибшей империи. Но не сказка ли этот город? У Берилла и так проблем полно: жуткие видения, попытка защитить брата, отношения с девушкой-алхимиком, которой по правилам «гильдии» нельзя вступать в отношения... А тут еще появляется бродяжка, который орет о жутком пророчестве. Свершится оно или нет? И кто станет его «героем»?

Небольшая по объему новинка от Мэй — история поистине шекспировская. Это роман прежде всего о семейных отношениях в царствующей семье, где, как известно, на какие-то базовые человеческие паттерны накладывается бремя власти, искажающее их: престолонаследие, интриги, повышенная ответственность за близких, которых можешь потерять из-за дворцовых заговоров... Берилл и Агат становятся ключевыми фигурами повествования, автор показывает динамику их отношений, вокруг них же и завязана глобальная интрига. Откуда кошмары Берилла, станут ли они реальностью, можно ли вылечить его и что произойдет с Агатом, если на него слишком сильно повлияет высвободившаяся магия? Готов ли будет Берилл принять изменившегося брата? Впрочем, по дороге в Ша'харар героям предстоит узнать еще много тайн о собственной семье: опять же, в королевских династиях ниточки часто оказываются гнилыми, а правда, какой бы непоколебимой она ни назалась, — лишь ложью во благо. Вопрос только — во благо кого?

«Империя грез» — увлекательное и очень легкое чтение, пропитанное неуловимой атмосферой фэнтезийных видеоигр и не перегруженное излишним вниманием к социальному устройству империй выдуманного мира и к так называемым системам магии. Мэй дает этой информации

в меру и продолжает плести авантюрно-приключенческий сюжет. Атмосферой — со всеми древними тайнами, жрецами, алхимиками, зельями, волшебством — книга в принципе напоминает лучшие примеры эпического фэнтези наподобие, допустим, Роберта Желязны или Брендона Сендерсона, только, уж простите каламбур, размах событий здесь менее эпичен. Мэй концентрирует читательский взгляд именно на героях и паутине их взаимоотношений, а все, что происходит вокруг, лишь меняет узор этой паутины. И, опять же, в лучших традициях жанра, главные тайны раскроются на последних страницах. Так что дойти до финала — задача обязательная.

«Бериллу приходилось участвовать в стычках на границе: отец считал, что подросткового сына стоит брать с собой, особенно когда он стал наследником. Кровь не пугала Берилла, ему уже приходилось убивать. Агат позже ездил с ними, и Берилл хорошо помнил, как сам зашивал неглубокую, но неприятную рану на плече брата, пока тот шутил и смеялся.

Шрамы на спине Агата всегда вызывали у Берилла ярость. Они не были получены в честном бою, не принадлежали ни битвам, ни тренировкам.

Берилла отец ударил пару раз в жизни. Насколько он знал, Алмаза никогда не трогал. Агату доставалось по полной. Как утверждал император, это помогало против дурной крови матери дашнаданки, сдерживало проклятые силы. Как подозревал Берилл, отец попросту оправдывал себя.

Агата император всегда недолюбливал. Хуже стало, когда тот увлекся не воинским искусством, как пристало принцу, а магией.

Не важно, как упорно Агат тренировался с оружием. Не важно, что он всего лишь немного уступал Бериллу. Он интересовался магией, и одно это вызывало гнев императора.

Когда-то давно Агат попытался ответить. Огрызнулся.

Он потом неделю едва мог встать с постели. Но ужасало Агата не это, а вывихнутый палец. Пусть он больше изучал магию, нежели занимался ею, но чароплетам важны руки. После этого он предпочитал молчать — отец выплескивал ярость, но больше не трогал пальцы».

СОФА ВЕРНЕР, «СЛАВГОРОД» («ОБЛОЖКА»)

В альтернативной России существует закрытый город Славгород, где стрелки часов замерли на времени СССР: никаких вам смартфонов, зато сбернасы вместо баннов, кружки с надписями «50 лет КПСС», первые пузатые компьютеры-тугодумы и кока-нола как роскошь. Замерло время — замерли и люди. Особенно с учетом того, что в Славгороде живут так называемые гибриды — своего рода мутанты, совмещающие звериные и человеческие черты. И это — не дар, а настоящее проклятие. Когда-то такие гибриды были критично важны правительству, а сейчас оказались бесполезны. И вот мы подобрались к завязке: Гриша Рыкова, не готовая рожать детей — а есть такой обязательный закон в альтернативной России, — должна будет умереть. Да вот только все завернется так, что героиня окажется одной из тех, кто принесет Славгороду свободу — и наконец сдвинет ржавые стрелки часов, запустив время.

Софа Вернер строит дебютный роман вроде бы на классической для антиутопий формуле: герой нарушил закон — герой должен понести наказание, которое закончится смертью, — герой случайно вырывается из этого круга благодаря кому-то, кто шагает против системы. Однако, как и большинство других современных антиутопий, «Славгород» сфокусирован именно на психологических портретах главных героев. Социальный

фон просто придает остроты происходящему. В особенности потому, что от описанного у современного читателя весьма «покалывает» где-то в районе груди. И дело вовсе не в своего рода переосмыслении опыта СССР. Просто любая серьезная и массовая общественная дискуссия порождает некий художественный ответ на обсуждаемые вопросы. «Славгород» — такой ответ-рефлексия на жаркие дебаты о запрете аборт, которые достаточно долго (и не так давно) активно подсвечивались в массовом пространстве.

Дебютный роман Софы Вернер — текст достаточно злой и очень «кусачий», он давит на болевые точки читателя, вызывая у него отвращение то от мерзкой эстетики ржавеющего и гипертрофированного СССР, уже отжившего свой век, то от происходящих событий; а как иначе может быть в городе, где человека — пусть и мутанта, — приравняли к зверю и расценивают его как собаку Павлова? Несмотря на все стилистические шероховатости и чересчур нерасторопное начало, «Славгород», во-первых, держит напряжение до финала (прежде всего за счет атмосферы и герметичности происходящего, сюжет здесь не столь уж важен), а во-вторых, очень крепко укореняется в современном литературном контексте. Книжное пространство последних лет породило несколько текстов, которые так или иначе перекликаются со «Славгородом» (герметичностью, антиутопичностью, звериными мутациями, переосмыслением России XX вена и так далее): это и полный «советских мутаций» «Понров-17» Александра Пелевина; и безысходный «Саша, привет!» Дмитрия Данилова; и ходящие вокруг да около СССР «Намни поют» Александры Шалашовой; и феминные «Медиаторы» Дарьи Буданцевой; и даже пугающий тотальной герметичностью «Тоннель» Яны Вагнер. Темы и приемы из всех этих романов так или иначе преломляются в книги Софы Вернер — или это она преломляется в них? Не зря говорят, что актуальные темы

и сюжеты обычно витают где-то в инфополе: у одних получаются реалистические психологические триллеры, у других — антиутопии. Хотя детали нонстрантора, как известно, одинаковы.

«Гриша родилась в Славгороде. Все гибриды родились в Славгороде — другого им не дано. Правительство держит в секрете само их существование и давно уже позабыло, какую пользу можно было отсюда извлечь. Предки нынешних жителей города сформировали определенную экосистему, в которой существовали друг с другом, и передали ее своим детям, а те — своим. Когда же дело дошло до Гриши, она твердо решила, что не будет обречать еще кого-нибудь на существование в этом городе. Хотя сам Славгород она по-своему любила. Здесь для нее прописаны правила.

Грише сложно описать все прелести своей малой родины, но их не так уж и много. Город населен густо, и потому так тщательно контролируется прирост населения. Там, где убудет, — обязательно прибудет, и наоборот. Пускают сюда не всякого, и, если по-честному, совсем никого не выпускают. Конечно, всякое правило можно нарушить — процветает контрабанда, нелегальный вывоз, так или иначе прорывается граница. Стены автобусных остановок расклеены и расписаны буквами РЕВ — названием революционного молодежного движения. Им свойственны громкие лозунги: “Свободу гибридам! Правду миру! Хватит сидеть в клетке!” — их Гриша не понимает. Но по-милицейски она благодарна всем преступникам города — работа у нее не кончается».

ЖЕНЯ ЕО, «О ЧЕМ МОЛЧАТ ПСИОНИКИ» (LIKE BOOK)

Дисклеймер: в этой книге ждет много сенса! Заинтригованы? Отлично, теперь к делу. Псионники — люди, которые умеют читать мысли, — обязаны служить в не самой приятной организации под названием «Нонсорциум», где их могут ментально связать с космическими кораблями и сделать, по сути, живым оружием. Все дети несколько раз в жизни должны проходить особые тесты на выявление псионинов, и Лиаму всегда удавалось мухлевать: мама вводила ему особый «контейль» из веществ, которые подавляли способности. Были в такой жизни большие минусы — нинаних отношений, поцелуев и тем более секса, ведь это — сильный эмоциональный всплеск, который может выдать псионина. И вот Лиам, все еще скрывающийся, устраивается в космический флот и знакомится с девушкой, ну а дальше... неожиданный сенс, отношения, пытки у Нонсорциума и восстановление после них, а затем — знакомство с группой псионинов, которые идут против официального порядка и борются за свои права. Среди них — Меган. Она не умеет читать мысли, зато может облегчить чужое эмоциональное состояние. Правда, у нее самой другая проблема: из-за своих способностей ей критически не хватает повышенного телесного контакта, поэтому вынужденный, но постоянный сенс без обязательств на одну ночь для нее частое дело. Думаете, ей от этого не тяжело? Тяжело, конечно. Такое подавляет. Особенно когда фоном — сплошь разговоры о войне, заговоры и похищения...

На первых страницах роман Жени Ео напоминает психологическую прозу в весьма классическом антураже космооперы, где человечество открыло для себя новые миры и вступило в соглашение с другими расами (среди которых, например, живые корабли): концепция универсальная, и обычно она становится всего лишь фоном для чего-то более глобального — либо психологического роста героя, либо детективного

сюжета, либо геополитических распрей. Вот и от первой трети «Псиоников» складывается ощущение, что еще чуть-чуть — и текст раскроется как психологическая проза. У главного героя для этого все задатки, а главное — много травм, которые к тому же осложнены смертью любящей матери, и необходимость зачать чужого ребенка. Однако дальше роман становится слишком скачкообразным, и читатель чересчур дистанцируется от Лиамы и не успевает проследить за его ростом. Слишком быстро, как в видеоролике, сменяют друг друга события. В какой-то момент Женя Ео перестает макать кисточку в черно-белые краски психологизма, зато изрядно окунает ее в пестрые оттенки динамики, и их становится так много, что текст кажется несколько дерганым. То же касается и второй части романа, посвященной Меган, ее внутренний портрет, кстати, проработан даже несколько лучше, но на фоне общего сюжета героине, опять же, не хватает развития. Оттого кажется, что читаешь не сольный роман, а первую часть цикла — уже думаешь, что развязка ждет тебя в следующей части, а потом все разрешается слишком уж быстро, сноманно. На последних страницах.

Однако чего у «Псиоников» не отнять, так это задумку: ведь автор решает в первую очередь поразмыслить над судьбой людей, умеющих читать мысли. Что было бы с ними, как бы подчиняли их «официальные структуры», и вообще, насколько их способности — это очень верно вынесли в аннотацию, — могут звать даром, а не проклятием? Да и весь мир «космического флота» у Жени Ео очень живой и человечный. Здесь действуют не выхоленные офицеры-картонки, говорящие казенным языком и спойные в любой ситуации, а обычные люди, которые и без сексуальных отношений долго не могут, и изрядно матерятся в экстремальных ситуациях — все как у реальных земных военных, пилотов, пожарных. И это, наверное, тот подход, которого космической (и научной) фантастике, особенно в российских реалиях, очень не хватает.

«Общаться близко с другими детьми у Лиамы не выходило — непрерывно следовало закрываться от их эмоций, а возможная дружба все осложнила бы вдвойне. Так и рос одиночкой — со временем привык к эмоциональному фону, царившему в школе, блок ставился почти автоматически, сам по себе. Если ездили с классом куда-то на экскурсии или мероприятия, принимал ингамм, чтобы отсечь гвалт, создаваемый посторонними людьми. Как и сейчас: на крейсере служат сто восемьдесят незнакомых ему человек, без медикаментозной поддержки не справиться.»

Решение поступить в медицинскую академию было продиктовано тем, что Лиам планировал стать фармацевтом — как и дедушка. Нужно держать руку на пульсе, чтобы изучать новые препараты, а также знать, не научился ли Консорциум находить в крови «коктейль». Так что целых шесть лет он с тщанием впитывал знания, чтобы потом услышать от комиссии, что его умений достаточно для оказания первой помощи на военном корабле — все равно диагноз ставит медицинский сканер, манипуляции совершают — медботы или на крайний случай медкапсула. Так Лиам и оказался на «Аполлоне»».